

Опасные
удовольствия

ЯНА РОЗОВА

СОЖЖЕННЫЕ ЦВЕТЫ



Опасные удовольствия

Яна Розова

Сожженные цветы

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Розова Я.

Сожженные цветы / Я. Розова — «Центрполиграф»,
2015 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-08524-5

В городе и его окрестностях одна за другой полыхают церкви. Полиция считает, что орудует секта сатанистов. Каждый раз на пепелище обнаруживается труп со следами пыток. Все говорит о ритуальных убийствах. Власти решают не придавать событиям большого медийного размаха – перед выборами шумиха на подобную тему неуместна. Опасаясь, что полиция спустит дело на тормозах, настоятель одного из сгоревших храмов, отец Сергей, просит своего друга, бывшего следователя Павла Седова, провести частное расследование. Паша нехотя соглашается и вскоре обнаруживает странную связь между поджогами, пятью молодыми женщинами и разыгранным много лет назад спектаклем по мотивам средневековой книги «Молот ведьм»...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08524-5

© Розова Я., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Яна Розова

Сожженные цветы

© Розова Я., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

Часть первая

Сатурн

СГОРЕЛ ХРАМ. ВОЗМОЖЕН ПОДЖОГ

Во вторник в половине первого ночи в дежурную часть Гродинского управления государственной противопожарной службы МЧС России поступило сообщение о возгорании церкви, расположенной в центре города Гродин. В результате пожара значительно пострадало здание храма Успения Пресвятой Богородицы. По предварительным оценкам сотрудников пожарно-технической лаборатории, причиной пожара стал поджог.

А. Маловичко Газета «Алхимик», 21 марта 2003 года

10–21 марта

Ира вышла в холодное раннее мартовское утро. Она постаралась одеться теплее, но все равно зябла, потому что зимнего пальто у нее не было – на его покупку просто не хватало средств. Впрочем, это не имело значения – сегодня исполнилось ровно пять лет со дня смерти Виталика.

Ира поправила темно-синюю шерстяную косынку и заспешила в сторону церкви. Идти придется три квартала, общественный транспорт здесь почти не ходил. Городские власти обещают оборудовать остановку возле церкви Успения Пресвятой Богородицы, да все никак.

В городах, имеющих более длинную историю, к верующим относились внимательнее, а город Гродин живет всего-навсего чуть более полувека. Его выстроили вместе с химическим заводом и для химического завода, размещенного неподалеку от старинной казачьей станицы Малые Грязнушки. Он постепенно поглотил станицу, а станичная каменная церковь, претерпев в 90-х серьезный ребрендинг, превратилась в храм Успения Богородицы. Именно туда ходила Ира Китаева каждое воскресенье всю свою жизнь.

Вера давала Ире самое главное – понимание важности каждого события. Разуму, который наполняет собой Вселенную, есть дело до каждой судьбы, это утешало осознанием своей причастности к замыслу Бога. Смерть мамы и Виталика – не случайны. Нет смысла спрашивать, почему мне выпало такое. Ты же знаешь: Бог всегда забирает лучших и испытывает избранных.

Длинная дорога к храму Иру не тяготила – каждому шагу сопутствовали лучшие воспоминания детства: как по воскресеньям они с мамой ходили «к Богу», попросить о хорошем. А мама у Иры была необыкновенной.

Лида Китаева считала себя избранной и носила свой горб на узкой спинке без стыда. Она обладала изумительным характером: умела прощать, не просила много и легко относилась к любым трудностям, понимая, что самое плохое в ее жизни уже произошло.

Об отце Ира ничего не знала. Мама говорила, что она мечтала о доченьке и Бог ей дал дочь. Вот и все. Только после смерти мамы ее подруга тетя Света рассказала, что у Лиды был мужчина, но жить с горбуньей не захотел. А Лида удерживать его не пожелала и даже о своей беременности не рассказала.

Мама умерла три года назад от пневмонии.

В память о ней Ира пыталась относиться к жизни согласно маминым принципам. Кое в чем это удавалось – например, в отношении к работе: пусть зарплата у учителя смешная, в учительской ссорятся из-за дополнительных ставок, ученики с каждым годом становятся все менее интересными, начальство давит – не стоит падать духом. Учитель – это призвание, а не способ заработать. Ира была учителем истории, и это был осознанный выбор: ей нравилась история как школьная дисциплина и как наука. Историк знает – все уже было: крахи империй,

концы света, жулики на престолах, гении в кандалах. Ничего не меняется, но все становится другим.

Еще больше радовалась Ира ежедневной возможности заражать своим интересом детей. В толпе маленьких людей с пустыми глазами она умела находить тех, кто ее слышит. Обнаружив их, Ира мастерски раздувала искру любопытства в пожар страсти к познанию. Таков был ее дар. А в остальном Ирина Геннадьевна считалась в школе сухарем. Ей были свойственны сдержанная манера поведения, скупые жесты, редкая улыбка и редкий, но хлесткий сарказм.

Вокруг расцветало утро. За ночь изморозь обметала черные голые ветви деревьев острым кружевом. Небо радовало чистым голубым цветом, в нем кружила огромная галдящая стая больших черных птиц.

Сегодня Ире предстоял особый день. Сейчас она отстоит заутреню, а потом съездит на кладбище к Виталику. Холодно, конечно, а в чистом поле, где теперь хоронили гродинских покойников, вообще ветер свищет. Но Иру ветром не испугать. Она никогда не отступалась от большого дела из-за малого неудобства.

Возле храма уже стояли старушки, завернутые в несусветные тряпки. Завидев знакомую стройную фигуру, они бросились вперед. Несмотря на собственное бедственное положение, Ира всегда подавала хорошо.

Службу вел отец Сергей – строгий статный священник с ухоженной темно-русой бородкой и яркими карими глазами. Немало гродинских невест мечтало стать матушками при таком батюшке, только он создавать семью не планировал.

В последние несколько лет отец Сергей стал для Иры не только исповедником, но и другом – не близким, но тем, к кому идешь в самые страшные минуты своего существования. Одному ему она доверила свою мечту – стать монахиней, и получила отрезвляющий совет – не торопиться: дар души, приносимой Богу, должен быть чист и отшлифован как бриллиант. Иру очень тронуло, что этот суровый человек посвятил ее в собственные сомнения: он и сам мечтает уйти от мира, но только после того, как победит грех гордыни, что пока ему не удастся. Выслушав наставника, Ира согласилась с ним и с тех пор постоянно работала над даром своей души – снова, и снова, и снова.

Отец Сергей вел самые лучшие службы из всех, на которых Ира когда-либо присутствовала, но сегодня она не могла сосредоточиться на его словах. Она жаждала еще раз, стоя под куполом, отпустить от себя Виталия и – не могла. Как тоскливо ей без него, как одиноко! За что она должна страдать? Следом востребовались непрощенные воспоминания – о том, как хорошо было вместе, и вот тогда Ира вышла из храма. Не место в церкви таким мыслям!

Солнце поднялось над домами, стали таять и осыпаться льдинки с веток пирамидальных тополей, растущих за оградой церкви.

«Боже, Боже! Что со мной?»

И вдруг будто бы ураган ворвался в ее сознание – мысли гонимые, глупые заполнили ее сознание. Виталик, быстрый, веселый, идет через двор ее дома. Она видит его с балкона и чувствует жар своего тела. Он входит в квартиру, она увлекает его на кухню, чтобы мать не услышала... В тесной однокомнатной квартире Ириной мамы влюбленным нет места, но у Виталика есть машина, старенький отцовский «москвич». Ира помнит колючие чехлы сидений, раздражающие кожу на спине, она помнит движения его ловкого тела, смех, стон, шепот, слова любви...

А это ты помнишь – его тело в морге? Тогда, после аварии. Кровь смыли, но лицо умершего (умершего, ты поняла?) искажено. Он задохнулся в дыму. Его кожа покрыта язвами ожогов, его волосы выгорели, его руки обожжены, его ногти сломаны! Умирая, он пытался открыть заклинившую дверцу «москвича». Того самого, у которого такие колючие чехлы на сиденьях.

Мама, Виталий и нерожденные по причине незачатия дети – вот семья Иры! Призраки, призраки, призраки!

Она села на лавку возле ларька, торгующего свечками и иконками.

Неожиданно чья-то плотная тень закрыла солнце. Ира подняла голову. Возле нее стоял мужчина.

– Вам плохо?

– Нет. Все в порядке...

Глаза привыкли к утреннему солнцу, и лицо доброго самаритянина проявилось в тени: очень русское лицо, органично вписанное в пейзаж храма. Молодой, худощавый, в распахнутом пальто.

Ира встала со скамьи и направилась в сторону церкви. Незнакомец последовал за ней.

После службы Ира поехала на кладбище, а вернувшись домой, принялась готовиться к завтрашним урокам.

Пролетела неделя. Ира ходила на работу и в одиночестве проводила вечера, не испытывая никакого дискомфорта. Если она и жалела об отсутствии общения в своей жизни, то только о потере связей со своими институтскими подругами.

Да, они собирались вместе за эти годы, и не раз. В жизни Иры – по печальным датам: похороны мамы, похороны Виталика, годовщины их смертей. Дни рождения Ира больше не справляла – подруги звонили, поздравляли, но приходить не приходили. Ира успела перепороть отношения со всеми.

С Гелей – из-за ее озлобленности против всех и вся.

С Соней – из-за ее причастности к клану менял, изгнанных Христом из храма.

Со Светой – из-за ее брака, который был убогой пародией на семью.

С Наташей – из-за ее легкомысленности, доходившей до цинизма.

– Все вы – попугайчики, – как-то сказала подругам Ира. – Порхаете по веткам, чирикаете, а за душой – ничего!

Конечно, они обиделись, но, если бы обиженные немного призадумались, они бы поняли, что Ира говорит так не из гордыни, а от боли. На самом деле Ира имела в виду: «Вам всем повезло в жизни по сравнению со мной, и вы не можете понять, насколько мне нужна вера!»

Отсутствие дружеской поддержки сначала ощущалось остро до слез. С годами тоска по подругам ослабела, а потом и вовсе прошла.

«Позвоню кому-нибудь! – часто думала Ира. – Ну хоть и Светке!»

Отчего-то откладывала, поджидая подходящий душевный настрой, а после не оказывалось времени или слишком уставала на работе... И еще думалось: а что я скажу? Где была, что видела? Светка разъезжает по заграницам, у нее жизнь кипит ключом, а я? Рассказать нечего, а плакаться стыдно.

Находились причины не звонить и остальным.

В воскресенье Ира вошла в переполненную прихожанами церковь с опозданием. Шел Великий пост. Как всегда, больше всех в толпе оказалось женщин с городских окраин. Их усталые лица, изношенная одежда и искренность поклонов вызывали в душе Иры жалость. Вот так проживают жизнь люди и не метят выше, не стремятся изменить свою судьбу, не ждут счастливого часа... Молятся о простом – чтобы дети не болели и муж не пил! Это лучшие из христиан, казалось Ире, они принимают волю Бога безропотно, не ожидая награды в земной жизни. Среди прихожан встречались и молодые люди, и местные буржуа, и дети... Ира имела нескромную привычку тайком разглядывать собравшихся в церкви и придумывать каждому из них историю жизни. Сегодня, потихоньку оглядев стоявших поблизости, она обратила внимание только на одно лицо. Это был молодой мужчина, он занял место возле иконы святого

Иоанна Предтечи. Трепещущий отблеск свечей золотил его русую бородку и отражался в темных глазах. Тонкость его исхудалого лица удивляла: высокий лоб с морщинкой между неопределенного рисунка бровями, удлинённый иконописный нос с чуткими изящными ноздрями, тонкогубый рот молчуна. Но главное – выражение его лица! Оно свидетельствовало о скорби и покаянии, вере и надежде. Казалось, он много пережил, грешил и мучился, но теперь видит выход, видит свет, исходящий свыше, и следует ему и молится о прощении своих грехов.

Ира подошла поставить свечу. Мужчина поднял руку, чтобы перекреститься, и толкнул ее. Глянул на нее удивленно, будто думал, что находится в церкви один, тихо извинился. Его голос Ире показался знакомым – это же он неделю назад беспокоился, не плохо ли ей!

Минуту спустя забыла о нем, поглощенная своими мыслями.

– На тебя, Господи, уповаю, – шептала она. – Да не постыжусь вовек; по правде твоей избавь меня. Преклони ко мне ухо Твое, поспеши избавить меня. Будь мне каменной твердыней, домом прибежища, чтобы спасти меня...

Поставив свечку и перекрестив лоб, Ира направилась к выходу. Нога запнулась обо что-то плотное. На полу лежал мужской бумажник из недорогих.

Церковь к этому времени почти опустела. Выйдя во двор, она огляделась и только потом, опомнившись, обернулась на золотившийся в сером небе крест, перекрестилась и поклонилась ему.

Уже на улице Ира открыла кожаную книжицу без страниц в поисках сведений о владельце. В одном из кармашков лежал троллейбусный билет с запиской: «Гагарина, 84, кв. 2». Наверное, надо бы съездить туда – вряд ли это адрес владельца бумажника, но, может, на Гагарина живут его знакомые? Тогда она оставила бы кошелек им – пусть передадут.

Вздохнув – хотелось есть, и кружилась голова, – Ира отправилась на остановку.

Дверь квартиры номер 2 по Гагарина, 84 оказалась старой и обшарпанной. Нажав на кнопку звонка, Ира услышала его трель и бодрые шаги.

– Здравствуйте, – торопливо сказала она в приоткрывшуюся темную дверную щель.

– Здравствуйте, – ответил уже знакомый голос. Дверь немного отползла, открыв худощавую фигуру хозяина.

– В храме я бумажник нашла, а в нем ваш адрес...

Она протянула ему находку.

– Это мой, спасибо.

– А зачем вы адрес внутри оставили?

– Да я к другу ездил, а он дверь не открывал. Я стал писать свой адрес, тут он пришел из магазина. Я машинально сунул билет в бумажник. Входите!

Ира заколебалась.

– Ну хоть чаем вас угошу! Вы же устали по городу метаться!

– Вообще-то да, устала. Но поеду домой...

– Пожалуйста!

Незнакомец беззащитно улыбался, будто боялся отказа.

– Ладно...

Через темный коридорчик она прошла в единственную комнату и удивилась ее запущенности: ободранные обои, выбитый паркет, выдававшая виды мебель из шестидесятых.

– Садитесь, я сейчас принесу чай! У меня тут... Сами видите... Продаю квартиру...

Он исчез в коридоре и через минуту вернулся с парящим чайником и жестяным подносиком, на котором поместился нехитрый набор для русской чайной церемонии: две кружки в красный горошек, сахарница и вазочка с печеньем. Ира сама покупала такое печенье и поэтому прекрасно знала – оно самое дешевое.

Ее новый знакомый сел за стол напротив Иры, залил кипятком чайные пакетики и поднял глаза. Ире показалось, что он волнуется.

– Меня зовут Виталий.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Ира выронила ложечку, которой размешивала в кружке чай.

– Что с вами? Вам плохо?

– Нет, нет...

Пряча взгляд, сделала вид, будто смотрит в окно, и увидела на подоконнике толстую книгу в коричневом переплете. Она прочитала на корешке: «Библия».

– Вы читаете Библию?

– Да. Вы ведь тоже в церковь ходите?

– Хожу, иначе бы ваш бумажник не нашла.

– И тоже Библию читаете?

– Только для души.

Ира смутилась: как еще читать Библию, если не для души?!

– Я вот тоже начал. Сначала трудно было, но сейчас втянулся. Только вот Ветхий Завет так и не осилил...

Машинально следуя профессиональной привычке, Ира сказала:

– Немного терпения – и все получится. Я тоже вначале с трудом продиралась. А потом решила сначала интересное прочитать: Евангелие, Песню песней, Екклесиаста и Откровение Иоанна...

– Я его тоже прочитал! Вот это мне понравилось! «...достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение...»

Он произнес эти слова, столь знакомые Ире, быстро, чуть нараспев. Вышло по-настоящему, просто и даже красиво.

– Да вы – знаток!

– Ветхий Завет дочитаю и буду знатоком!

Он улыбнулся. Сначала глазами – не отрывая взгляда от лица Иры, а когда она улыбнулась – и губами.

Ира смутилась и заговорила, чтобы скрыть это:

– А я больше притчи Соломона люблю: «И при смехе иногда болит сердце и концом радости бывает печаль...»

– Красиво. И правдиво...

Они помолчали.

– Спасибо за чай. – Ира поднялась. – Мне пора.

– Вам спасибо!

Они вышли в коридор, Ира стала одеваться, застегиваться, а Виталий просто стоял опустив руки. Он не подал ей пальто, не попытался поухаживать за ней. В нем вообще не было этой провинциальной галантности – назойливой попытки убедить женщину в ее неспособности самостоятельно одеться и выйти из транспорта, да еще и с непременной обидой, если женщина не визжит от счастья, принимая ненужную помощь.

Всю дорогу домой Ира думала о Виталии. Ей показалось, что, несмотря на правильную речь, он из среды малообразованной. На его руках она заметила застарелые мозоли, он сутулился за столом, громко прихлебывал чай, и одежда сидела мешковато. Скорее всего, парень относится к типу самородков, людей, которые чувствуют свое предназначение и идут к нему даже через непреодолимое. И еще, он человек с прошлым.

Почему он прочитал именно эти строки из Иоанна, про агнца закланного?

Снова завертелась карусель дней.

Про нового знакомого Ира не вспоминала. Все-таки, как ни крути, он – молодой мужчина. Это ли ей сейчас надо, когда она решилась покинуть мир?

На воскресной службе она увидела Виталия снова, отметив про себя невероятную бледность его лица. Неожиданно он схватился за грудь и быстро направился к выходу.

Ира, ощутив смутную тревогу, пошла следом. Он почти выбежал из ворот церкви, прошел немного по улице и вдруг, согнувшись пополам, закашлялся. Приступ сотрясал все его тело. Он словно слепой, не разгибаясь, нащупал церковную ограду и опустился возле нее на корточки. Ира слышала, как воздух со свистом втягивался в его легкие. Белый платок, который он прижал к губам, стал красным.

Боже, да это же туберкулез! Инстинкт подсказал: держись подальше! И именно эта недостойная христианки мысль заставила Иру склониться над больным.

– Виталий, вам помочь?

Пытаясь сдержать кашель, он поднял на нее полные слез глаза и отрицательно помотал головой.

– Я отвезу вас домой. Нет, лучше вызвать «скорую»!

– Нет. Сейчас... Пройдет...

– Может, нужно лекарство?

Он отрицательно помотал головой и, низко опустив голову, снова страшно закашлялся. Постарался восстановить дыхание. Вдруг резко сплюнул багровым сгустком на запорошенную снегом кромку асфальта. Ира невольно вскрикнула, выхватила свой носовой платок из кармана и бросилась – вытирать ему губы, поддерживать, спасти и помочь.

– Домой... – проговорил больной, принимая заботу Иры.

Он вдруг ослаб и все ниже оседал в ее руках.

– Сейчас поймаю такси!

Она пристроила Виталия у ограды, а сама бросилась на проезжую часть.

В машине Виталий почти не кашлял, а только тяжело дышал, откинувшись на спинку сиденья. Ира беспокойно поглядывала на больного, опасаясь, что у него, как у Дамы с камелиями, пойдет горлом кровь. Однако ничего такого не произошло.

Она отметила про себя естественность, с которой Виталий принял ее помощь. Как больное беспомощное животное,веряющее себя в руки хозяина – с молчаливым пониманием необходимости.

В такси они оба молчали, Виталий только достал уже знакомый Ире бумажник и протянул купюру. Когда машина остановилась у подъезда его дома, Ира расплатилась, и они вышли.

– Дальше вы сами?... – полуутвердительно спросила она.

– А... – Он помялся, но решился предложить: – Зайдите ко мне, пожалуйста!

Отказать тяжелобольному человеку Ира не могла.

– Ну, хорошо.

– Спасибо!

Его глаза засмеялись, он поймал лучик ее улыбки и улыбнулся в ответ. Тут же, вдохнув холодного воздуха, раскашлялся снова. Ира всплеснула руками и потащила его к подъезду.

Дома Виталий принял какие-то лекарства, согрелся, задышал ровнее. Они снова пили чай и говорили на неважные темы. Про себя Ира гадала: сколько ему лет? Что делал в прежние годы? Чем сейчас занимается?

– Вы один живете?

– Да, я сирота.

– Я тоже. Работаете?

– Да. На заводе. Я по металлу...

– Любите свою работу? – В Ире всегда сидел педагог и никогда долго не молчал.

– Люблю? – с недоумением переспросил он. – Работа как работа. Я совсем один остался, мне работать надо, иначе есть нечего будет.

– А я люблю свою работу. Я учитель в школе.

– Почему-то я так и подумал.

– На лбу написано?

Виталий кивнул, и оба рассмеялись. Потом, как туча находит на солнце, повисло пустое молчание. Хозяин квартиры, насупившись, опустил глаза, Ира тоже ощутила неловкость: может, пора уходить? Но оказалось другое. Виталий помолчал немного, бессмысленно болтая ложечкой в чашке с чаем, и заговорил совсем иным тоном:

– Вы, наверно, думаете: чего он ко мне пристал, да?

Ира изобразила на лице вежливое «что вы, что вы!».

– Но не можете же вы просто общаться с человеком, не зная, кто он и что? Ведь не можете!

Ира пожала плечами.

– Мне показалось... извините, что я вот так прямо рублю, но мне и впрямь показалось, что мы с вами имеем нечто общее в душе! Я мало хороших людей видел, но вот вас сразу понял. Вы – добрый человек, вы в Бога верите, и еще есть в вас нечто такое, что я в людях ценю. Это – как бы выразить? – нестяжательство, отрешенность... Вы видите во мне не наносное, а то, что я от всех прячу.

– Я не хотела лезть вам в душу.

– Ну вот... – расстроился Виталий, – что-то не то сказал!

Ира не стала его утешать – для будущей монахини душевные разговоры наедине с молодым мужчиной могут превратиться в испытание.

– Мне бы только не хотелось, чтобы вы плохо обо мне подумали... Ну, будто я пытаюсь, понимаете, к вам... пристать...

Виталий покраснел, ссутулился, отвел взгляд и стал совсем как ребенок.

– Я так не думаю, – сказала Ира. – Просто мне пора домой! Кстати, как вы себя чувствуете?

Она встала.

– Нормально. – Он тоже поднялся со своего места. – Я провожу вас?

– Нет, сидите дома. Лучше бы вам не выходить сегодня.

Они попрощались в темном коридоре, и Ира вышла на улицу.

Весна брала свое: еще прохладный воздух, напитанный ароматом влажной земли, обладал волшебным вкусом. Солнце наполняло собой мир, делая его больше, просторнее, радостнее.

«Как все в природе просто! – думалось Ире. – Вот пережили зиму, и слава богу! Теперь будем гнать и раскрывать почки, выводить птенчиков, рожать котят и щенят. Лишь бы нашлась еда и вода и не было заморозков и злых людей!»

Она приехала домой, переоделась в домашнее, достала свои книги. Надо поработать, пока светло.

Через несколько минут Ира поняла, что никакая работа на ум не идет. Хотелось поговорить, посмеяться, поделиться с кем-нибудь своей нехитрой историей.

Ира придвинула телефон и набрала городской номер Светы.

Она не пользовалась мобильной связью, потому что не видела в этом смысла. Однако сейчас пожалела об этом, потому что трубку взял Ванечка Фирсов, Светкин муж. Он был обладателем изумительно глубокого, выразительного сильного голоса, а также славился исключительной мерзотностью характера. Как милая и хорошая Светка Ключкина попала в его лапы, Ира до сих пор понять не могла. Не могла же она польститься на его хорошенькое личико и папу-ректора! Светка не такая. Тем не менее реальность была такова: хочешь слышать подругу – поговори сначала с ее мужем.

Скороговоркой представившись, Ира попросила Свету. Ванечка понес трубку жене, по дороге прокомментировав звонок таким образом, чтобы Ира расслышала: «Твоя святоша звонит. С того света, наверное!»

– Привет, Ирка! Ты куда пропала?

У Светки тоже был очень красивый голос, только он вполне соответствовал красоте ее души и тела. Ира считала, что ее подруга – самая красивая женщина из всех, кого ей приходилось встречать в жизни.

– А ты? Ты куда пропала?

– Один – один!

Хрипловатый смех Светки разбудил память: их общее прошлое быстрой красочной змейкой проскользнуло в сознании Иры и снова где-то спряталось.

– Как ты? – спросила Ира. – Как Маришка? Она ведь в Лондоне?

– Маришка звонит раз в неделю. – Голос Светы потускнел. – Говорит, что скучает, хочет скорее приехать домой. Но каникулы будут только летом. Сейчас, на маленьких каникулах, поедет во Францию, в Диснейленд. А в общем, все нормально. Как ты?

– Я... Живу потихоньку, работаю... В школе всегда суeta, сама понимаешь. На прошлой неделе была на кладбище у Виталия. Потом к маме поехала.

– Понятно... Сейчас, иду! – сказала Света в сторону.

Можно было не сомневаться, что Ване неприятен звонок нищей подруги жены, а Света слишком зависела от мужа, чтобы игнорировать его недовольство.

– Ты не можешь говорить?

– Да нет, все в порядке, – быстро ответила Света, но Ира уже знала, что разговор окончен. Она попрощалась, хлопнула трубкой по рычагу старенького аппарата.

Разговаривать и делиться событиями своей жизни расхотелось. День прошел за бездельем, тщательно замаскированным под ежесекундную занятость.

Вечером Ира снова подумала о Виталии. О своем новом знакомом Виталии. Как он там? Ведь он болен! А вдруг ему хуже?

Если бы речь шла не о Виталии с его стройной фигурой, иконописным лицом и милой улыбкой, а о какой-нибудь старушенции, Ира бросилась бы помогать не рассуждая. Ну и какая она после этого христианка? Не помочь человеку, только потому что он молодой и симпатичный, – это же сплошное ханжество! Надо быть выше.

Ира глянула на часы: половина седьмого.

Виталий распахнул дверь сразу после ее звонка, будто ждал в прихожей. Увидев Иру, широко открыл глаза и спросил:

– Вы что-то забыли?

– Я беспокоюсь за вас.

Она уже перестроилась на миссионерский лад, забыв о робости и смущении.

– Ой, – сказал он смущенно. – Да я ничего уже... Это утром... А сейчас...

– Вы впустите меня?

Виталий посторонился, и она вошла.

– У вас есть холодильник?

– Да, в кухне.

Ира прошла в кухню. Ее дизайн был лаконичным до убогости: стол у окна, двухконфорочная грязная плита, холодильник «Москва» – ровесник оттепели 60-х, оббитая эмалированная мойка, шкафчики в жирных пятнах. Все это на фоне крашенных голубой краской плинтусов.

В холодильнике пахло затхлостью. На полках лежали пакетики с китайской лапшой, дешевые консервированные овощи, незаменимая кабачковая икра. Виталий постился и эко-

номил одновременно. На таком рационе, поняла Ира, выздороветь невозможно. Хорошо, что она это предусмотрела!

Ира поставила на стол хозяйственную сумку и выгрузила из нее пакет молока, десяток яиц, баночку сметаны и ингредиенты для задуманного ею постного борща.

– Я не буду это есть в пост! – возмутился Виталий.

– Вы больны, вам надо нормально питаться! У вас ведь туберкулез?

Она прищурилась в ожидании ответа, как стрелок, присматривающийся, попал ли он в цель. Виталий испуганно посмотрел на нее, понял, что разоблачен, и опустил голову.

– Чего вы стесняетесь? Я заразиться не боюсь.

– Я другого стесняюсь.

– Чего это?

– Сядьте хотя бы...

Ира села на табуретку у стола. Виталий опустил напротив.

– Ну?

– А как вас зовут?

– Я не говорила? Ира меня зовут.

– Ирина... Чудесное имя! Решительное и мягкое, как вы. Правда все хотите знать?

– Конечно!

– Я в тюрьме сидел, – произнес он с вызовом. – Испугались? Да, я – урка, самый настоящий. В тюрьме я заразился туберкулезом и там начал читать Библию.

Ира остолбенела. За свои тридцать два года она ни разу не видела живого уголовника. Она понимала, что где-то кто-то ворует, убивает, насилует и совершает теракты, но все эти ужасы происходили на другой планете. Теперь перед ней сидел такой инопланетянин.

– Вы теперь уйдете?

– Да я вроде как не могу теперь...

Прислушавшись к себе, Ира услышала – это испытание!

– Если хотите, я все расскажу.

– Что же, рассказывайте, а я займусь борщом.

«Господи, пусть он не будет убийцей или насильником!» – взмолилась она.

– Я, Ира, в тюрьму за кражу попал. Да, я был вором, квартирным вором. Это стыдное прошлое, мне и вспоминать-то тошно. Моя мамка совсем простая тетка – полы в больнице мыла, выпивала по вечерам, папаш новых мне каждый день водила. Мы, уголовники, никогда не виноваты. – Он хмыкнул. – Вы, Ира, нам не верьте! Слезу вышибать горазды! Вот и я всегда говорю, что у меня другого пути не было. Пацаны, у кого папки нормальные и мамы не выпивали, со мной не водились – интересы у них другие! Секции там разные – футбол, легкая атлетика. А мне футбол этот по барабану был. Я с другими такими же дворовыми за забором стройки курил, девкам вслед свистел. И все мои интересы! Ну анекдоты пошлые, ну портвейн лет с четырнадцати! Потом картишки на бабки. А мне всегда везло в карты. Некоторые думали, что я мухлюю, только я не мухлевал. С одним кентом мы подрались из-за этого. Я ему нос сломал, а его мамаша меня в колонию уpekла на десять месяцев. Там я друзьями обзавелся – закачаешься! Из колонии вышел крутым как вареные яйца! – Виталий горько рассмеялся. – Эти-то друзья и научили меня, как от мамы не зависеть и рубли не кланчить. Сначала на стреме стоял, а уже потом стали меня внутрь пускать. Только на девятой краже взяли.

– Гордитесь ловкостью?

– Горжусь в жизни только одним – что ума хватило завязать!

– И как же это случилось?

– Да как? Подумал я: вот откинусь, выйду, что дальше-то? Опять за старое? Потом опять в тюрьму? Я видел там таких, они по десять ходок сделали. Старые хрычи кому нужны? Кто их

ждет на воле? А мать уже померла и хату свою пропила. Мне вообще идти было некуда! Эта вот квартира от деда досталась. От деда жены.

Ира не сдержала разочарования:

– Ты женат? – Она не заметила, что перешла на «ты».

– Был женат... Она умерла.

– Ох, прости мое любопытство!

– Ничего. – Он смотрел в окно, в темноту двора. – Я женился сдуру, сразу после второй отсидки. Семейно мне хотелось! А жена моя, царство ей небесное, шалава была полная.

Шокированная в третий раз, Ира покосилась на рассказчика.

– Она умерла, когда ребенка рожала. Не моего. И ребенок умер. Так что, когда я в тюрьму попал, у меня была жена, а когда вышел – уже не было. А чуть позже дед ее помер, и так уж вышло, что, кроме меня, наследников не нашлось. Вот.

– А почему Библию читать стал?

– Душа запросила. К нам туда священник ходил. Мы не слушали его, ржали над ним. Он такой благостный был, кругленький. Шуточки наши терпел беспрекословно. Его и за рясую в темных углах хватили, и мочой полили разок... Извините, – опомнился он. – Я забыл, что с вами говорю. Вроде как сам с собой! Да... А потом как-то мы с ним разговорились. Раз, другой, и стало мне что-то открываться особенное, настоящее... Я потом кентам сказал: кто тронет его – пасть порву!

Ира невольно рассмеялась, Виталий ее поддержал.

– Кем ты был... Папаном?

Он расхохотался до слез:

– Чего?.. Папаном? Пахан это называется!

– Да какая разница! – смеялась с ним Ира. Успокоившись, он продолжил:

– Нет, не был я паханом, конечно. Просто народ в тюрьме такой: если нет сопротивления – задолбят до смерти, а если силу показать – отстают постепенно.

– Борщ готов! – объявила Ира. – Мой руки и садись есть.

– Так быстро? Я думал, готовить – это долго!

– Ну, борщ-то постный! Лишь бы картошка сварилась. Бульон не готовится, капуста квашеная – поэтому быстро. А туберкулез ты лечишь?

Вопрос был, как и все вопросы сегодня, бестактным.

– Я не лечусь... – помрачнел Виталий. – От болезни умереть – это не самоубийство.

– Виталий, что ты городишь? С прошлым ты завязал, Бога в душу принял, живой, молодой, все впереди! Зачем юродствовать? Все будет хорошо! Чего тебе не хватает? Шику воровского?

– Да нет, глупости это все... Все так, как ты говоришь. – И Виталий вдруг сбился на «ты». Только... Я один совсем! Прости, что напрямую говорю, вроде как жалости прошу, только это правда! Теперь я на жизнь по-другому смотрю, все мне кажется иным. Вот когда про жену узнал, думал: хорошо, что сама сдохла, а то бы убил! Но сейчас – простил бы ее и даже ребенку обрадовался. Вот у тебя небось семья, ты и не знаешь!..

– Ошибаешься. Я совсем одна. Хочу постриг принять.

Последнее она еще никому, кроме отца Сергия, не доверяла. Виталий, перестав жевать, смотрел на Иру. Она читала в этом взгляде восхищение и нечто вроде зависти.

Ира налила борщ в тарелку, положила сметану.

– Ладно, поздно уже, пойду я.

– Спасибо тебе и за борщ, и за разговор, – сказал он.

Он предложил было проводить гостью, но она отказалась, снова сославшись на состояние его здоровья. На прощание Виталий сказал:

– В следующее воскресенье встретимся в церкви, да?

– Да, у тебя телефон есть?

– Нет.

– Ладно, запиши мой номер, вдруг что-нибудь понадобится!

Он записал. Ира вышла на улицу. Ну что же это так пахнет вечерами весенними? Еще ничего не цветет, еще только снег сошел, а воздух – будто молодое вино!

На неделе Виталий не позвонил, но Ира и не ждала. Она действительно дала свой номер только на крайний случай. Если бы он все-таки позвонил и стал болтать о ерунде, ее бы это неприятно удивило.

В воскресенье утром снова похолодало и выпал снег. Несмотря на его пушистую трогательную белизну, он никого не обрадовал – всем хотелось тепла.

В церковь Ира прибежала замерзшая, румяная и оживленная. Виталий уже был там. Они сдержанно поздоровались и всю службу молча стояли рядом. Ира постаралась стать так, чтобы отец Сергей не догадался об их знакомстве.

Виталий снова был бледен, и глаза его казались больными, но не кашлял, стоял очень тихо, дышал ровно. Прислушиваясь к его дыханию, Ира пропустила всю службу.

После причастия, а это в православном каноне мероприятие не быстрое, усталые, они вышли на воздух.

– Хотите есть? – спросил Виталий. – Хочу угостить вас постной выпечкой. У нас на заводе в столовке одна повараха готовит булочки для постящихся. Вкусные!

– Булочки? Ужасно хочу!

К его дому пошли пешком. Теперь они стали много ближе: в реке диалогов обнаружись холодные и теплые течения, подводные камни, водовороты и водопады. Говорить хотелось бесконечно.

– Ира, а у тебя много друзей?

– Было много. – Ей не хотелось вспоминать грустное. – Теперь почти не общаемся. А что?

– Нет, ничего. Только попросить хотел...

– Что?

– Не говори обо мне никому, ладно? У меня такое прошлое, что самому с собой общаться противно. Обещаешь?

Представить себе, с кем бы она могла обсудить свои отношения с бывшим вором и туберкулезником, Ира не смогла. Даже отцу Сергию не доверилась бы – он решит, что она легкомысленная финтифлюшка, мающаяся дурью: в монастырь или на свидание?

– Хорошо, если так хочешь.

– Спасибо.

* * *

С этого последнего воскресенья жизнь Иры круто переменилась: у нее был Виталий. За самое короткое время он сумел проникнуть в ее жизнь настолько глубоко, что без него не мыслился ни один шаг. При этом их чувства еще не переросли дружбу, о взаимном влечении они молчали.

Они старались видеться как можно чаще. В понедельник вместе ужинали, снова у Виталия. Во вторник Виталий взял отгул, а у Иры был всего один урок, и после него они поехали на кладбище. Ира провела своих, а Виталий показал неухоженные могилы матери, жены и ее ребенка. Ира решила про себя, что, как только потеплеет, она наведет здесь порядок.

После кладбища они зашли в церковь, поставили свечи, отстояли службу и снова ужинали у Виталия. После ужина Ира уехала домой, а Виталий ее провожал.

В среду Ира задержалась на классном собрании. Вечером позвонил Виталий, и они говорили до тех пор, пока у него не кончились деньги на таксофон.

В четверг вдруг резко потеплело, подул редкий для Гродина южный ветер и разогнал облака. После уроков Ира увидела Виталия на остановке, оказывается, он ждал ее, чтобы пригласить погулять. Вечер был чудесный, и она, не скрывая радости, согласилась пройтись.

Разговор снова зашел о работе. Виталий рассказал, что устает после смены страшно.

– Тяжело все-таки! – жаловался он с досадой. – Думаю, я не способен к такой напряженке.

– А к чему ты способен? Везде работать надо, чтобы чего-нибудь добиться!

– Если бы я смог в свое время поступить в институт, – мечтательно, совсем без обиды ответил Виталий, – я бы поступил на гуманитарный факультет. Ну вот где ты училась?

– На историческом.

– Вот! И я бы там учился! Я люблю историю. Романы исторические люблю, фильмы про все такое, древнее. Про рыцарей и турниры.

– Средние века необыкновенно интересное время!

– Да? – Он стал похож на ее учеников – такой же галчонок с открытым клювом, в который она положит червячка знания. – А что там тебе интересно?

– Да вот хоть религия. Мне интересно было в свое время, почему у нас, в России, церковь не превратилась в такого же спрута, как в Европе.

– И как, выяснила почему?

– Мне кажется, да.

– А что ты читала?

Ире так нравился этот разговор, что она не заметила, как изменился тон собеседника.

– Я читала разные исследования ученых, монографии, обращалась к источникам. Буллы папские, письма тех времен, «Молот ведьм»...

– Что это?

– Это, как бы сказать, учебник для инквизиторов. Мы в институте даже шабаш на Вальпургиеву ночь организовали...

– Смотри, – перебил ее Виталий, указывая на небо. – Луна такая яркая! Неужели завтра похолодает опять?

Тема разговора сменилась. Вдруг – как всегда бывает при интересном разговоре – Ира поняла, что они уже пришли к «Лермонтовскому». Виталий, не спрашивая ее, открыл дверь, и они вошли в знакомую прихожую. Ира уже привыкла к особому холостяцкому запаху этой квартиры, он ей даже нравился теперь. Она спросила о продаже квартиры, а Виталий сказал, что раздумал продавать.

– Почему?

– Планы изменились... Ты не ругай меня, ладно? Понимаешь, я был в таком отчаянии, что думал продать квартиру, деньги отдать на церковь, а сам... Ну, помнишь, мы говорили...

Виталий прятал глаза. Ире вдруг стало мучительно жаль его бедную, заплутавшую душу, она подумала об одиночестве, о выборе своего пути, о сомнениях, терзающих каждого из нас. И она была такой: отчаявшейся, без маяков в открытом море.

Ира обняла его, а когда захотела отстраниться, Виталий не отпустил. Его губы коснулись ее шеи. Она повернула лицо навстречу этим милым губам...

* * *

В следующее воскресенье Ира вошла в ладанный сумрак под белеными сводами храма. Ире хотелось улыбаться всем, желать счастья. Она верила, и вера привела ее через испытания к счастью.

Виталий стоял на своем любимом месте – возле иконы святого Иоанна Предтечи. И вновь пламя свечей отражалось в его глазах, и на щеках играл румянец, и губы были плотно сжаты. Они поздоровались одними глазами.

Ира прекрасно понимала, что совершила грех, и очень серьезный грех, предавшись любви в Великий пост. Она искренне раскаивалась в грехе, но совершенно не сожалела о содеянном. На то мы и православные, чтобы грешить и каяться! Бог простит нам это, он все про нас знает.

После службы они гуляли, разговаривали, пили чай в кафе на площади, и мир царил в ее душе. Только вот Виталий был каким-то нервным.

– Что с тобой? – не выдержала она.

Он поднял на нее глаза полные слез. Это было так неожиданно, что Ира испугалась.

– Дорогая моя, любимая, я не хочу с тобой расставаться!

– Да о чем ты?

– Я должен уехать...

Она не верила своим ушам – Бог снова испытывает ее.

– Ирочка, меня нашли прежние дружки. Они считают, что я должен им, так как оказался виноват в том, что нас менты загребли. Понимаешь, я тогда...

– Это не важно. Что ты собираешься делать?

– Они хотят от меня очень много денег.

– Давай продадим твою квартиру, будем жить у меня!

– Нет, намного больше.

– Тогда и мою.

– Они возьмут деньги и придут снова. Мы не сможем заплатить, и они убьют меня. Это страшные люди!

– Так что же ты собираешься делать? – повторила он свой вопрос, уже почти плача.

– Я должен бежать.

– Я с тобой.

– Это опасно, Ира! Я не смогу тебя защитить.

– Мне все равно.

– Ира... – Его глаза, блестевшие от слез, казались Ире яркими, как драгоценные камни. – Это слишком великий дар для такого неудачника, как я! Но если ты решилась...

– Решилась! Будь что будет! Я люблю тебя!

– Ира... Тогда ты должна исчезнуть тайно. Придумай что-нибудь, соври, чтобы все думали, будто ты уехала одна. Обо мне – ни слова!

– Я скажу всем, что уйду в монастырь.

Она очень обрадовалась этой идее – как хорошо звучит! Пусть все крутят у виска, мол, Ира совсем спятила! И никто не догадается...

– Тогда так, – решил Виталий. – Завтра ты увольняешься, а послезавтра мы уезжаем.

* * *

Через два дня, двадцатого марта, в восемь часов Ира стояла на остановке возле своего дома. Сегодня у них с Виталием – последнее свидание перед отъездом.

– Семечки! Семечки! – противно гнула у Иры за спиной алкоголичка Ларка.

Она жила в соседней квартире – Ирин антипод, падшая женщина во всей своей красе: с молодым, но мятым лицом, намазанным дешевой косметикой, с худым, но дряблым телом, упакованным в яркую грязную одежду. Пока трезвая – злыдень, когда пьяная – душка.

– Здравствуй, соседка! – услышала Ира. Ларка пребывала в своей пьяной ипостаси.

Ира раздумывала, стоит ли ей здороваться с ней, когда рядом остановилась большая серая иномарка.

На подъехавший автомобиль Ира внимания не обратила, но дверь со стороны пассажира открылась, и она, узнав водителя, улыбнулась, пожала плечами и села в машину. Домой Ира больше не вернулась.

3. А.

«Умерла первая ведьма, относящаяся к типу Сатурна».

Часть вторая

Марс

НОВЫЙ ПОДЖОГ ЦЕРКВИ. ОБВИНЯЮТСЯ САТАНИСТЫ

В дежурную часть Гродинского управления государственной противопожарной службы МЧС России по Хлебному району вчера поступило сообщение о возгорании церкви. На этот раз пожар возник в храме Спаса Преображения села Ивановского, центре Хлебного района. Специалисты считают, что причиной возгорания послужили бутылки с зажигательной смесью. Как рассказали в пресс-службе УГПС, огонь уничтожил деревянный храм почти полностью. Возгоранию была присвоена высшая категория сложности.

Можно с уверенностью сказать, что церковь в Ивановском, как и храм Успения в Гродине, подожжены злоумышленниками. Возможно, это дело рук сатанистов, следы деятельности которых находят жители многих окрестных сел, в основном на кладбищах и в уединенных местах. Прокуратурой области возбуждено уголовное дело по факту поджога. Ведется следствие.

А. Маловичко Газета «Алхимик» от 22 июня

15 мая – 22 июня

– Незачем братья за то, на что мозгов не хватает! – донеслось до Гели.

Следом хлопнула дверь кафедры истории и культурологии.

Оказалось, Вика Петренко, местная звезда, сообщила свое мнение о Гелькином провале перед ректорской комиссией и, на свое счастье, удалилась. Геля была в таком состоянии, что если бы Вика не ушла сама, то была бы побита ногами!

Кристально чистая злость, обвальная, разрушительная, поглотила Ангелину Черкасову. Она вскочила с места и великолепным броском запустила в кафедральную люстру четырех-страничным кирпичом «Основ культурологии». Люстра, имевшая три рожка из непрозрачного стекла, приняла удар самой сердцевиной и, мигнув, выдержала его. Зато завкафедрой Михаил Терентьевич Корытников не выдержал:

– Ангелина Николаевна! Что вы себе позволяете?

Сотрудники тоже зашуршали, выражая осуждение и некоторое злорадство. Еще бы! Ах, Гелечка! Ах, какая умница! Ах, какой папа у нее умник! Всю кафедру облагодетельствовал: купил в кабинет альбомы по искусству. Сделаем Гелечку за это старшим преподавателем, несмотря на то что кандидатская у нее на нуле, а годиков уже тридцать два! Ту же Вику и потеснили, да еще кое-кого, кому сейчас Гелькин провал и ее детская выходка окажутся на руку.

– Ангелина Николаевна! – повторил Корытников, но теперь с отеческими интонациями. – Вы успокойтесь, сядьте! Мы тут все свои! (Геля оглядела ханжеские рожи вокруг себя и показала в злой улыбке белые клыки.) Вам давно пора за ум взяться. Где ваши публикации? Где глава для методического пособия? У ваших студентов самые плохие знания по предмету, на ваших лекциях сорок процентов непосещаемости!

Геля молчала. Ее трясло от этих разборок, ее тошнило от патернализма этого толстого козла. Притом она боялась открыть рот, потому что знала – если откроет, то пыхнет на коллег синим пламенем и будет поливать их огнем, пока не испепелит вчистую.

Задрав нос, она встала, молча прошествовала к выходу. Потом картинно остановилась, обернулась на бывших теперь сотрудников, демонстративно громко хмыкнула и вышла в коридор, треснув дверь.

Избалованная в детстве бабушкой и воспитанная без капли любви отцом и матерью, увлекающаяся идеей из-за красоты ее звучания и отрицающая непреложные истины, холодная и порывистая, ласковая и жестокая, Геля относилась к тому типу людей, которые никогда не взрослеют по-настоящему. В ней нелогично сочетались детская безответственная шаловливость, подростковый максимализм, девичья мечтательность и скрытая жестокость самки, потерявшей своего детеныша.

Неудивительно, что – выражаясь фигурально – ее носило по бездорожью самых разных идей. В институте, переживая лучшее время своей жизни, она увлеклась феминизмом, а следом объявила себя лесбиянкой. Надо признать – для того времени это звучало смело, что Гелю заводило, – до тех пор, пока слова не приходилось подтверждать делом.

По окончании розового периода Геля воспылала интересом к оккультизму. Научилась гадать на картах и предсказывать судьбу. Следом загорелась идеей ехать на Кубу, помогать последнему в мире социалистическому государству отстаивать себя в мире капитала. Затем последовал тихий период чтения и осмысления нищестанства. Окончив истфак, Геля уехала в археологическую экспедицию, раскапывавшую курганы в Монголии. Из экспедиции Черкасова вернулась беременной, виновник ее положения заявил, что их роман был ошибкой. Из чистой злобы Геля пошла на аборт, а уже на следующий день жестоко раскаялась – убийство ребенка стало страшным потрясением, перевернувшим ее мир.

После аборта Геля словно бы завяла: она много читала и почти не выбиралась из кровати. Понаблюдав за ней, отец решил, что дочери надо работать, и пристроил ее на кафедру культурологии педагогического института.

Геля смирилась.

Постепенно она возвращалась к себе настоящей, попутно осознавая, что сидит по уши в болоте. Ненастоящие интеллигенты неискренними голосами воспевали несуществующую высокую культуру Гродина. Геля предчувствовала свою ментальную гибель. Спасаясь, она стала игнорировать работу, а теперь провалилась на комиссии, что означало – ждать повышения и прибавки к зарплате не стоит.

Пришло решение уволиться.

Незадолго до комиссии потерпела крах и личная жизнь Гели – ее парень ушел к другой. Объяснил так: она беременна, и мне надо на ней жениться. Гелю поразило, что он встречался одновременно с двумя девушками, а Антон объяснил, что виноват, влюбился в обеих и не мог выбрать. И вот – выбор за него сделала судьба. Ледяная волна обиды, ненависти и бессилия затопила Гелю.

Ее озлобление росло. Светка была замужем, у нее росла дочь, Наташка вышла замуж и родила сына, Сонька тоже воспитывала наследника. Слушая рассказы подруг о детях, встречая по дороге счастливых мамаш с их отпрысками, Геля убеждала себя, что родительское самодовольство отвратительно.

Еще больше ненавидела Геля влюбленные пары. Она осматривала каждую, мысленно придираясь, растапывая девушку или парня или обоих: у этой бабы слишком толстые ноги, у этого парня торчат уши! Пытаясь сопротивляться темной стороне, Геля одергивала себя, со временем все реже.

Вскоре Геля почти прекратила встречаться с подругами – отчасти по собственному желанию, отчасти потому, что и они стали сторониться ее. Она пугала их, хоть признаваться в этом подруги не намеревались.

Иногда она вспоминала, как хорошо было им пятерым...

Студенты в коридоре сновали косяками и поодиночке, со всех сторон Геля слышала «Здрасьте!», а ответить не могла – горло сдавил спазм. Пытаясь успокоиться, подошла к окну, глубоко вдохнула и выглянула на улицу.

Взгляд случайно упал на припаркованную к обочине крутую иномарку. Гладкие блестящие бока машины радовали взгляд. Геля представила себе, как она садится в кожаные кресла такого вот авто и уезжает из этой жизни – навсегда!

Вдруг из машины Гелиной мечты вышел хорошо одетый молодой мужчина.

«С таким уехать было бы вдвойне приятно!» – решила Геля.

Он обошел автомобиль и распахнул дверцу перед... Викой Петренко!

Геля стиснула зубы. Она помнила кафедральные сплетни о том, что муж Вики – бизнесмен, владелец цеха по производству колбасы. Петренко недавно купили новую квартиру в центре, 150 квадратных метров роскоши, отдыхают по два раза в год за границей. И у них есть ребенок!

«Почему одним – все, а другим – ничего?» – Злость сменилась жалостью к себе.

Нацепив темные очки (надо же, она не забыла на кафедре сумку!), Геля покинула здание института. Идти домой не имело смысла. Там была мать, которая только и ждала повода запилить дочь до смерти.

Она побрела по городу в отупении, нахлынувшем после приступа злобы. Чтобы протянуть время, зашла в ЦУМ, купила лак для волос и ненужную губную помаду. Совершенно случайно набрела на ювелирную мастерскую, вспомнив, кстати, что у нее сломался замочек на золотой цепочке.

В маленьком помещении у окошечка для приема заказов собралась очередь в несколько человек. Первой стояла пожилая женщина, просившая отполировать ей крестик. Увидев старинный православный крест, Геля вспомнила Иру Китаеву.

За старушкой стояли мужчина и женщина – парочка! Мужчина был симпатичный, черноволосый и стройный, женщина – молодая блондинка. Судя по их неброской, но дорогой одежде, купленной явно не на гродинском вещевом рынке, вкус и деньги у парочки имелись.

Геля отвела от них завистливые глаза. А они уже демонстрировали приемщице драгоценности.

– Эти серьги мы уже носили в ремонт, но нам сказали, что здесь ничего поделывать нельзя, – томно комментировала женщина. – А это кольцо мне муж на годовщину свадьбы подарил, но оно большое. Можно его уменьшить?

– Покажи еще цепь, – сказал муж. – У нас ребенок, три года. Порвал ее.

Геля передернулась: опять! У всех – деньги, дети... Ох, как тошно!

Она отвернулась и встретилась взглядом с парнем, занявшим очередь за ней. Лысый, с нарочитой небритостью на лице и карими глазами – нагловатыми, но выразительными. Непонятно с чего, он усмехнулся и подмигнул. Геля возмущенно отвернулась.

Тем временем парочка, нахваставшись своей нехилой житухой, направилась к выходу. Драгоценности они забрали с собой, не удовлетворившись сервисом мастерской.

Геля уже шагнула к окошечку, когда неожиданно почувствовала прикосновение к своему локтю. Обернувшись, увидела лысого.

– Девушка, помогите мне!

И властно потянул за собой.

Не успев опомниться, Геля оказалась на улице. Гадкая парочка стояла посередине тротуара. Блондинка еще держала в руках замшевый мешочек с безделушками.

– Отвлеки мужика! – тихо скомандовал лысый.

И тут она все поняла.

Геля подошла к мужу блондинки, предварительно нащупав в сумке гладкий длинный цилиндр.

– Извините, можно вас спросить? – произнесла она и, когда мужчина повернулся, направила струю лака для волос прямо ему в глаза.

Несколько секунд мужик стоял не шевелясь, а потом заорал от боли. Его жена тоже повернулась к Геле. Воспользовавшись заминкой, лысый вырвал из рук блондинки замшевую сумочку и рванул прочь. Геля успела брызнуть лаком и в рожу блондинке, а потом бросилась следом за лысым, радуясь, что на ней сегодня свободные брюки и кроссовки.

Прохожие шарахались в разные стороны, обворованная парочка, уже не такая сладкая, как прежде, вопила на все голоса. Геля почувствовала такой мощный выброс адреналина, что даже засмеялась. Как будто ей двенадцать лет и она вместе с приятелями ворует яблоки в саду злой соседки!

Лысый бежал не в полную силу, а так, чтобы за ним успевала его помощница. На ходу кивнул ей – направо, скорее! – и свернул за угол. Она повторила его маневр, чуть не врезавшись в роскошную тачку, стоявшую прямо за поворотом. Резко затормозив, Геля разглядела вишневый двухдверный «мерседес», спортивный кабриолет с откидным верхом. В это чудо автомобилестроения ловко вспрыгнул ее партнер.

– Быстрее, заскакивай сюда!

Геля перебралась через закрытую дверцу со стороны пассажирского сиденья, упав в нагретое солнцем кресло. Получилось легко, будто не в первый раз.

Парень одобрительно улыбнулся, кабриолет, взревев, как дикий застоявшийся зверь, рванул с места.

Вишневый «мерседес» летел по полуденному Гродину, пыльному, затоптанному и запыленному городишке, где никогда не случается чудес. Геля слегка обалдела от ветра, скорости, от мелькания машин, но больше всего – от сознания того, что едет в роскошной тачке и все ее видят.

Она глянула на лысого, сидевшего рядом и шутившегося от яркого солнца. Он поймал ее взгляд, жестами велел открыть бардачок и поискать там темные очки. Геля выполнила его просьбу, достав весьма дорогой и стильный оптический прибор. Передала его лысому и, стараясь перекричать уличный шум, ветер и рычание мощного мотора, громко спросила:

– Куда едем?

Водитель, спрятав веселые глаза за темными стеклами, так же громко ответил:

– Увидишь!

Вообще-то следовало вернуться на бренную землю и спросить саму себя: ты поняла, что только что участвовала в ограблении? Но Геле не хотелось этого делать, точнее, она уже все осознала и судить себя не собиралась. Если привычный мир отверг ее, то она станет на другую сторону! Вот ее новая форма протеста, и, если честно, давненько она не протестовала!

В мечтах Геля уже видела себя, окруженную дерзкими романтиками преступного мира, шикарно и вызывающе одетую, крутую до беспредела. Она – с мужчинами, которые не боятся ректорских проверок! Они живут как ветер, прожигают жизнь в кутежах, катаются по миру – беспечные, жестокие и самоубийственно удачливые.

– Эй! – услышала Геля голос своего спутника. – Ты спишь?

– Нет!

– Есть хочешь?

– Да!

Вишневый мерс нагло пересек встречную полосу, распугал пешеходов и выскочил на тротуар. Геля увидела вывеску нового, но уже модного ресторанчика с забавным названием «Золотой каплун». Здесь лысый остановил машину, поднял черную кожаную крышу.

В зеркальном зальчике, где соседствовали нарочито грубо сколоченный деревянный бар и столики в стиле ампир, а также копченая осетрина и водка подпольного розлива, лысый уселся за столик у окна и небрежно кликнул официантку. Геля заняла место напротив него, оглядывая обстановку ресторана и исподтишка рассматривая посетителей – представителей некрупной плутократии и чиновников среднего размера.

Новый приятель Гели не стал интересоваться вкусами своей дамы, а сразу заказал салат из свежих овощей, мясную солянку, шашлык и бутылку красного сухого вина. Ожидая заказа, закурил, но, когда Геля потянулась к его пачке, осадил ее:

– Не люблю, когда бабы курят!

Десяти мужикам из десяти она велела бы заткнуться, но лысый, похоже, был одиннадцатым. Она оправдалась перед собой: надо быть благодарной человеку, который наказал самодовольную парочку из ювелирной мастерской.

– Слушай, – сказала она, когда принесли заказ и оба выпили по бокалу вина за знакомство. – Почему ты решил, что я сделаю то, о чем ты попросил?

– Разве я просил?.. Ладно, не обижайся. Ты смотрела на них, будто хотела съесть!

– Ерунда, – смутилась Геля. – Просто у меня неприятности сегодня. Достали все!

– Все? И что все тебе сделали?

– Ой, да считают себя самыми умными! А как тебя зовут?

– Называй меня Лис.

– Что? Почему?

– Моя фамилия Лесничий. С детства все звали Лисом. Считают, что я хитрый.

Ел он изящно и споро, привычно обращаясь с ножом и вилок.

– А тебя как зовут?

– Геля, Ангелина.

– Какое красивое имя! Выпьем за твое боевое крещение, Ангелина!

– Лис, а можно один вопрос?

– Валяй!

– Кто ты?

– Я свободный человек. Во всех смыслах. Я знаю, ты скажешь, что быть абсолютно свободным невозможно, что раз я вожу машину, то должен подчиняться правилам дорожного движения и так далее. Но факт остается фактом, я свободен. И в этом смысл моего существования.

– Только быть свободным? А зачем? Чтобы делать что?

– Свобода сама по себе ценность.

– Не важно, что ты делаешь, чтобы быть свободным?

– И это верно. Я не циничен, я просто так живу.

«Очень интересно, – подумала она. – Как бы не влюбиться».

Лис поднялся.

– Ну что, пошли?

– А платить?

– Мы только что говорили о свободе, – насмешливо напомнил он, направляясь к выходу.

Геля поспешила следом.

Официантка, не ожидавшая такого простого и наглого фортея, бросилась за ними.

– Эй, молодые люди, – закричала она во все горло. – А кто заплатит?

Лис только ускорился, а Геля внутренне замерла.

– Саша, скорее! Здесь ушли и не заплатили!

Геля так и не узнала, как выглядит этот Саша и чем бы он помог бедной официантке, потому что едва она юркнула на свое место в кабриолете, как стремительный Лис рванул «мерседес» вперед. Одновременно он опустил верх автомобиля, и ветер, ударив Гелю по лицу, выдул начисто любые переживания.

– Куда теперь?

Лис лукаво покосился на нее, ничего не ответив.

Вишневый автомобиль снова катил по городу, провожаемый восхищенными, заинтересованными, завистливыми, мечтательными взглядами горожанцев. Геля жадно ловила их, наслаждаясь реваншем. Сейчас бы встретить Вику! Та бы лопнула от зависти! Ее колбаснику такая тачка и не снилась!

Она видела, что Лис чуть улыбается, расслабленно откинувшись на удобном кожаном сиденье. Его длинные ноги с трудом помещались в отведенном пространстве, локти лежали на коленях, руль в кожаной оплетке он придерживал кончиками пальцев.

«А он ничего. Никогда бы не подумала, что бритый череп может выглядеть так эпатажно!»

Себя Геля тоже считала «очень даже ничего». Она была маленькая, но ладная. Любила носить брюки, потому что обладала плоским животом и ягодицами совершенной формы, могла запросто не надевать бюстгальтер – ее грудь была естественно упруга и приподнята. Жаль, что сегодня она одета «на работу» – при полной сбруе, иначе ее соски, превратившиеся от ветра в два маленьких розовых бутончика, уже обозначились бы под трикотажем кофточки. Геля встряхнула пушистыми каштановыми кудрями и пожалела о размазанном после беготни и еды макияже.

«Мерседес» уже покинул город. Он мчался по загородной трассе вверх, на самый гребень окружавших Гродин возвышенностей. Кожаные сиденья уже нагрелись. Ветер не охлаждал, а только больно резал глаза, лицо и правое плечо. Лысая голова Лиса покрылась блестящими капельками.

Минут через пятнадцать они свернули на проселочную кривую и раздолбанную дорогу, по ней «мерседес» въехал на вершину одного из холмов. Здесь Лис остановил кабриолет, развернув его капотом к обрыву. Вокруг царили тишина и пустота.

– Выходи!

Геля вылезла из машины, прихватив сумку. Лис обшарил бардачок, вытащил из-под водительского сиденья борсетку, открыл ее, порылся, закрыл, передал Геле. Полез в багажник, вытащил оттуда кожаную куртку, надел ее, обшарил карманы, снял и тоже отдал своей спутнице. Достал канистру с бензином, расплескал бензин по салону, канистру кинул назад в багажник, закрыл его. Уперся ладонями в зад машины и стал подталкивать ее к краю обрыва.

– Что ты делаешь? – испугалась Геля.

– Сталкиваю машину вниз.

– Зачем?

– Слишком заметная тачка, надо избавиться. Геле было жаль красавца, доставившего ей столько удовольствия, но она взялась помогать Лису, догадываясь о подоплеке его решения.

Когда задний бампер исчез за редким бурьяном, Геля и Лис остановились на узкой обочине. Авто скатилось метра на четыре вниз и застряло в густых кустах. Лис чертыхнулся и полез вниз к кабриолету.

Спустившись к машине, он достал из кармана зажигалку и небольшой предмет вроде коробочки. Геля видела, как вспыхнул голубой огонек внутри салона – это загорелся разлитый бензин. Лис добрался до капота, приподнял его и немного поколдовал там. Потом быстро полез по склону, цепляясь за пучки сухой травы и камни, но не вверх, а в сторону. Геля догадалась, что автомобиль должен загореться – и если Лис поползет к дороге, то его пятки поджарятся.

Инстинктивно Геля шагнула назад, и вдруг раздался оглушительный взрыв. Словно в замедленной съемке она увидела, как над дорогой всплыл искореженный вишневый капот и рухнул на то самое место, где она только что стояла.

Сердце в груди забилось, а колени ослабели.

- Эй! В тебя крышкой не попало? – донеслось до нее.
- Нет, я успела отойти!
- Прости, что не предупредил.

Лис уже стоял на дороге рядом с ней, отряхиваясь и размазывая по влажной лысой макушке пыль. Он столкнул ногой теперь уже бесформенный пласт вишневого металла.

- Наверно, бежать надо? – спросила Геля, отдав Лису борсетку и куртку из багажника.
- Да, надо. Пойдем, я знаю короткую дорогу через лес. А здорово гагахнуло! Смотри-ка, машинка работает!
- Что еще за машинка?
- Да так. Купил несколько для своих... друзей.

До города они добирались не меньше часа. На конечной остановке сели в пустой автобус, приехали в центр, зашли в пивной ресторан на площади Революции.

Первым делом Геля спряталась в туалете. Глянув на отражение в зеркале, ужаснулась своему усталому виду. Отряхнула пыль с одежды, умылась, накрасила губы новой помадой и тогда почувствовала себя вновь готовой к приключениям.

Лис уже заказал пиво, креветок, раков, соленых орешков и сухариков. Он тоже умылся и выглядел вполне довольным жизнью. Геля не могла не отметить, что из всех сидевших в пивнухе мужиков Лис самый классный.

Геля спросила:

- Так ты проводишь каждый день?
- Понимаешь, у моей жизни есть две стороны. Внешне кажется – я только и делаю, что катаюсь на чужих тачках, граблю неприятных тебе баб и философствую о свободе. Но это не так. Я здесь, в Гродине, чтобы помочь своим друзьям. Парни они идейные, крутые, я для них на все готов!

– Что за идеи?

– Хорошие идеи, правильные. Ты веришь в то, что мы все созданы для счастья?

И Геля, имевшая высшее историческое образование, изучившая не меньше сотни разновидностей этих идей и отлично знавшая, чем обычно кончаются разговоры о всеобщем счастье, ответила:

– Да!

– Значит, мы единомышленники. Ты где живешь?

– У родителей.

– Что? Сколько тебе лет?

– Нет, просто они считают...

– При чем тут они? Ты решаешь! Значит, так, сегодня – ко мне, а завтра я найду тебе жилье. Своим скажешь, что будешь теперь снимать квартиру и жить отдельно. Что у тебя за отношения с ними?

– Так себе...

Под его требовательным взглядом Геля начала рассказывать о непонимании, об унижительной необходимости отчитываться за каждый шаг, за каждую копейку, о разговорах с мамой, когда за двадцать минут тебя успевают двадцать раз унижить, о неизменном отцовском недовольстве.

– Ничего, – сказал Лис. Он взял ее руку в свои шершавые ладони и улыбнулся, подмигнув. – Все изменится. Познакомишься с моими друзьями, будешь на мир другими глазами смотреть!

– Ты террорист какой-нибудь?

– Я не анархист в вашем смысле слова: ваши бетонные мозги не возьмет никакая бомба. Он посмотрел ей в глаза, чуть улыбаясь уголками губ.

Геля догадалась, что он процитировал что-то ей неизвестное, спросить же, откуда цитата, не решилась. Этот Лис словно гасил ее дерзость, что оказалось абсолютно неведомым прежде, но странно приятным ощущением.

Порядком утомившись от приключений, она тем не менее ощущала готовность удирать из кафе, не заплатив. Только на этот раз Лис расплатился деньгами из борсетки.

На улице уже стемнело. Майский резвый ветерок касался холодными пальцами открытой шеи. Геля слегка протрезвела и вспомнила: забыла позвонить домой и предупредить, что задержится. Ладно, решила она, позвоню от Лиса. Пусть мама привыкает, что ее дочь выросла и поступает как хочет!

Обратный путь пролегал через центр, через площадь Революции. Злые языки утверждали, что, когда строили Гродин – город-спутник химического комбината, площадь хотели назвать площадью Реакции, подразумевая, понятно, химическую. Секретарь партийной организации завода, а это для Гродина был большой человек, даже обратился с таким предложением в партийные верхи, где все решалось. Предложение почти приняли, когда кто-то умный сообразил, что реакция бывает не только в химии, но и в политике тоже.

Они шли по площади, а когда добрались до пирамиды из красного гранита, на котором строились во время демонстраций и парадов местные чинуши, Лис потащил Гелю по порожкам вверх.

– Эй! Смотри, как красиво! Вся площадь как на ладони!

Они остановились на самом верху, у широкого парапета.

...На следующий день Геля не смогла объяснить самой себе, как это получилось, но факт остается фактом: Лис соблазнил ее в самом центре города, на мраморном парапете трибуны.

Они уже прожили несколько дней вместе, в квартире, принадлежавшей таинственным друзьям Лиса, но почти не виделись. Он уходил рано утром, а к вечеру появлялся усталый и голодный, чтобы поесть и снова исчезнуть до поздней ночи.

Часто Геля с балкона видела, как Лис выходит из очередной роскошной тачки, по-видимому снова угнанной. Он объяснил: его основной промысел – уводить иномарки и продавать их перекупщикам. Вырученные бабки Лис передает своим «друзьям». А тот самый вишневый «мерседес» пришлось уничтожить, потому что выяснилось – он принадлежал жене министра ЖКХ области, а такой автомобиль милиция будет искать на самом деле, а не для отмазки.

Еще у Лиса постоянно менялись мобильные телефоны, а уж золотые зажигалки, портсигары, дорогие фирменные аксессуары из кожи вроде ремней, бумажников и прочих мелочей вообще не задерживались дольше недели. Все это были ворованные вещи и вещи, купленные на ворованные деньги. Геля, привыкшая ценить дорогие предметы и аккуратно пользоваться ими долгие годы, испытывала нечто вроде священного ужаса, наблюдая небрежность Лиса по отношению к ценностям материального мира.

Спали Геля и Лис в разных комнатах, причем хозяин квартиры никак не показывал, что их связывает нечто большее, чем общее дело. Немного позже Геля поняла – он вообще признавал только отношения соратников, но никак не любовников.

А Геля теперь была соратницей. Она уволилась с работы, сидела дома и выполняла свою роль в деле: ждала телефонного звонка, запоминала информацию и, когда звонили позже снова, передавала услышанное незримому собеседнику. Это были абсолютно бессмысленные фразы типа: «И страусы поселятся там, и там скачут полевые духи» или совсем неудобоваримое: «Каждое действующее начало узнает свое действие из образа мыслей изменяемого создания». Геля, конечно же, узнала их: «Молот ведьм», читанный-перечитанный в студенческие годы. Что означали они в данном контексте для таинственных друзей Лиса, было непонятно. А задай вопрос – получишь лишь хитрую улыбку.

Она попыталась найти ответы на вопросы самостоятельно. В квартире стояли разнообразные коробки, в которых, как выяснила Геля, находились самые невероятные штуки. В одной – желтые мягкие брусочки, завернутые каждый в прозрачный полиэтилен, в другой – театральные костюмы, все мужские, современные, но только очень яркие, из блестящих и матовых шелков, с рубашками в рюшах. Там же лежало несколько круглых коробок со шляпами, имевшими несколько карнавальный вид. В ящике, стоявшем в прихожей, оказались свалены скучные для Гели книги по истории православия, учебники итальянского языка, театрального искусства, химии. Она равнодушно отложила «Легенду об Уленшпигеле», которую прочитала еще в далеком детстве, и противного Алистера Кроули, бредящего ерундой.

Деревянный ящик, запертый на висячий замок, показался особенно перспективным. Один его угол был разбит, сквозь щель Геля разглядела приклад какого-то оружия. О пугающей находке Геля решила помалкивать...

Единственным темным пятном стал скандал с родителями. Геле пришлось зайти домой за своими вещами, и вот тут-то она и наслушалась: шлюха, распоясавшаяся хамка, наркоманка и дура! Вернувшись к Лису, Геля еще раз порадовалась, что встретила его, тем более что именно благодаря ему наконец-то почувствовала себя отомщенной.

«Песня мести» началась с Вики Петренко. Геля как-то пожаловалась Лису на самодовольную и самовлюбленную бывшую сотрудницу, позволявшую себе злобные выпады и нравоучения.

– Надо проучить, – недобро усмехнулся он. Буквально через пару дней Геля узнала, что Вика и ее муж избиты хулиганами. Теперь чета Петренко лежала в травматологии Гродинской городской больницы. Сначала Геля испытала шок и ужас – слишком жестоко, слишком грубо. Но спустя некоторое время появилось ощущение скрытого могущества, своей власти над судьбами людей и даже удовлетворение от мысли, что по ее милости Вика со своим колбасником валяются в больничной палате.

– Ну ты крут!

Разговор происходил вечером за ужином в тот день, когда Геля узнала об избиении. Лис возразил – к произошедшему он не имеет отношения.

– Не ты, так кто-то из твоих этих друзей!

– Они такой мелочью мараться не будут. Это совсем другие люди тебе помогли.

– Какие люди?

– Не важно. У тебя еще пожелания есть?

– Есть...

Она подумала, что хорошо бы и Корытникову насолить, но ей не хотелось, чтобы его били. Корытников уже немолод и тучен, подобная наука могла бы его и в могилу свести.

– Только... можно по-другому?

– Без проблем! – отозвался Лис, закуривая.

– Мой заведующий кафедрой со студентов взятки берет. В эту летнюю сессию, говорят, тысяч двадцать долларов скопил! Пусть его квартиру ограбят! Они могут такое?

– Мы с тобой можем.

– Я?! Я не могу! Нет!

– Можешь. Нельзя же всегда перекладывать свои заботы на других. И потом, это станет не только мстью, но и проверкой. Если пройдешь ее, значит, тебе можно доверять, и тогда, возможно, я познакомлю тебя со своими друзьями.

Геля поняла – он прав. Так даже лучше.

Лис объяснил, что самое важное в деле домушника – подготовка, то есть сбор полезной информации. Он заставил Гелю разузнать как можно больше о привычках и быте своего шефа,

а также о его чадах и домочадцах. Кроме того, от Гели требовалось найти предлог и зайти к Михаилу Терентьевичу домой. Посмотреть, где, что и как.

Геля внаглую пришла в дом Корытникова и попросила занять ей десять тысяч рублей.

Несмотря на всю свою жадность, заведующий решил помочь бедной глупышке. Присутствовал и воспитательный момент – пусть теперь покусает локти, бросив стабильную работу!

– Простите меня, Михаил Терентьевич, мне и вправду не к кому больше обратиться! – тараторила она, следуя за шефом в комнату, куда Корытников пригласил бывшую коллегу, согласно своим старомодным представлениям о правилах приема гостей. – С тех пор как уволилась – совсем без денег. Но скоро я найду новую работу и отдам...

Квартира Корытникова располагалась в доме, пятьдесят лет назад построенном для партийных деятелей Гродина. «Элитная хрущоба» – так это называлось теперь. Узкие двери скупчились в тесной прихожей, кухонька притаилась за куцым коридорчиком.

За деньгами он полез в свой бумажник, и Геля уже было расстроилась, что не попросила тысячу долларов. За такой суммой ему пришлось бы заглянуть в закрома, и стало бы ясно, где эти закрома располагаются. К счастью, в кошельке десяти тысяч не нашлось, и заведующий, не стесняясь Гели, открыл резную створку старинного буфета. Геля возбужденно следила за тем, как он достал из жестяной коробочки толстую пачку денег.

Получив заем и рассыпавшись в благодарностях, она удалилась. Через день вернула долг, снова заявившись к заведующему домой. Объяснила, что ее спонсировал отец. Уходя, небрежно спросила:

– А семья ваша где?

– Так сын у жены живет, а моя половина в санаторий укатила.

– Наслаждаетесь тишиной? У вас тут, наверное, соседи все интеллигентные люди, как вы?

Польщенный дешево слепленным комплиментом, Михаил Терентьевич распустил перья и разболтался. Геля всегда знала, что он сплетник, но в этот раз заведующий даже удивил: о своих соседях он знал все. Надо было только направлять разговор в нужное русло и запоминать. Так выяснилось, что опасность на лестничной клетке представляла только молодая и любопытная девка из сороковой квартиры. Остальных – глуховатую одинокую бабушку и молодую семью, почти не бывавшую дома, – в расчет можно не брать.

– А вы к жене на курорте присоединиться не хотите?

– Вряд ли, – вздохнул Корытников. – Мне ремонт надо делать. В среду бригада придет, все ломать и крушить будут. А я приглядывать за ними стану.

– Ну что же, удачи вам в этом нелегком деле! – заторопилась Геля.

– Спасибо, Ангелина Николаевна.

Лис встретил ее новости и нетерпеливые предложения без особого энтузиазма. Съел обед и ушел. Вернулся он поздно ночью, разбудив уснувшую в кресле Гелю.

– Что? – спросила она, сразу придя в себя. – Мы идем завтра?

– Да, идем... Соседка твоего шефа обезврежена.

Он пошел в кухню и полез в холодильник. Геля побежала за ним.

– На плите отбивные и картошка, я подам!.. Слушай, а как одеваться? Меня же в доме видели!

– Одевайся как хочешь, это не имеет никакого значения.

– А что ты сделал с соседкой?

– Трахнул.

– Ты переспал с ней?

Геля замерла посередине кухни с тарелкой в руках.

– А что еще мне с бабой делать? Вы все дуры – до старости принцев ждете, а пока он не появился, раздвигаете ноги направо и налево. Я познакомился с ней, привел ее на хату к одному

парню и трахнул. И назначил свидание на завтра. Возле того дома, где сегодня встречались, а это за тридевять земель от дома твоего шефа.

– Но как же так? Как это? Я же с тобой, а ты...

– Ладно, заткнись! Дело есть дело! И ты то же самое сделаешь, если надо будет. Парням бабки нужны, это важнее всего, а ты бред несешь: ты со мной, я с тобой!

Он и раньше позволял себе срываться, что доставляло Геле безотчетное удовольствие. Ей казалось, что так и должен вести себя по-настоящему крутой мужик. Но лицо она старалась сохранить. Вот и сейчас Геля приняла обиженный вид (для себя не меньше, чем для Лиса) и ушла спать.

Всю ночь ей мерещились кошмары: их застигает в своей квартире неожиданно вернувшийся хозяин, их ловит милиция, они попадают на сбыте краденого... Засыпая под утро, решила, что попросит Лиса отменить испытание. Ну не домушница она!

Утром она так и сделала.

– Глупая, – усмехнулся Лис, ловко снимавший опасной бритвой отросшую щетину со своей головы. – Совсем глупая! Я же уже пообещал двадцать тысяч зелени своим парням! Не хочешь грабить – зарабатывать. Это все равно что тебя на счетчик поставили. Ты знаешь, что такое счетчик?

– Они же твои... друзья...

– Ага. – Лис отложил бритву, взял ее за подбородок и сказал четко, глядя прямо в глаза:

– Вот именно, что друзья. Друзей я подвести не могу, поняла?

Он ушел, назначив операцию на час дня.

К этому времени нервы Гели превратились в раздерганные провисшие нити, которые уже не могли удерживать натиск стресса. Она страшно паниковала. Лис появился только около половины третьего и, лишь увидев ее, сразу налил полную рюмку водки.

– Я не буду! – отбивалась Геля.

Тогда Лис силой запрокинул ей голову и влил содержимое рюмки в горло. Она чихнула, помотала головой, а через минуту действительно немного расслабилась.

– Пошли, – сказал Лис. – Что расселась?

Кража проходила необыкновенно споро. Лис легко подобрал отмычки ко всем трем хитрым замкам квартиры Корытникова, описанным глазастой Гелей. Один раз у нее чуть не выпрыгнуло из груди сердце – когда хлопнула дверь этажом ниже.

Сам Лис выглядел спокойным и даже небрежным. Захлопнув входную дверь, он первым делом прошел в гостиную, залез в буфет и достал жестянку с деньгами. Открыв сокровищницу, присвистнул, позвал сообщницу. Геля подошла с ощущением, будто ступает по раскаленным углям, и опасливо заглянула в коробок. Там лежали несколько пачек сто долларовых купюр и стопка рублями, каждая достоинством в пять тысяч.

– Вот это да! – невольно выдохнула она, оценив масштаб культурных мероприятий Корытникова на предмет вымогания у студентов уважения к своей экзаменационной деятельности. – Тут больше двадцати штук будет!

– Умница, детка, очень нужные денежки! Работу сделал – гуляй смело!

Лис ухватил трясущуюся Гелю за руку и потянул в спальню. Там, не слушая возражений, повалил на супружеское ложе четы Корытниковых и ловко избавил от лишней одежды. От страха Геля просто одеревенела, но решила не возражать. Пусть быстрее сделает, что хочет, и они смоются.

Однако Лис не спешил, растягивая прелюдию. Несколько раз он делал вид, будто слышит какие-то звуки – уж не хозяин ли вернулся домой?.. Геля пугалась до судорог. Взболтанный, но несмешанный коктейль из страха и секса все же подействовал. Она ощутила желание, потом удовольствие, а через минуту подумала, что надо успеть кончить, до того как их застигнут...

Последствия совершенного преступления воров не коснулись. Геля специально притащилась следующим утром на кафедру – якобы за какими-то бумажками. Она мечтала увидеть Михаила Терентьевича, мечущегося с заломленными руками, но он не метался, а сидел за своим столом и молчал как рыба. На вопросы о самочувствии отвечал туманно.

– Конечно, – разъяснил ситуацию Лис. – Вор у вора украл! В какой такой милиции он расскажет об украденных тысячах долларов, сэкономленных от пятнадцати штук рублей своей официальной зарплаты? То, что мы сделали с тобой, – идеальное преступление!

– Да? А отчего же я так боюсь?

– Ну, не от большого ума!

Лис отвернулся от Гели. Надев медицинские перчатки, он готовил партию бутылок с зажигательной смесью. Готовые бутылки укладывал в небольшие картонные ящики, которые относил на балкон.

– Лис, – позвала она. – А когда ты познакомишь меня с твоими друзьями?

– Двадцать первого июня.

Сегодня было девятнадцатое. Геля подумала, что лето проходит, а она никуда не съездила и не съедит, так как Лис уже заявил, что отдыхать еще рано. А он и впрямь работал. Ему звонили люди, он постоянно разговаривал с ними обрывками непонятных фраз. Кстати, Геля больше не передавала информации – Лис вообще запретил ей подходить к телефону.

– Понимаешь, у нас не принято жить с бабами, – оправдывался он. – Я же привязался к тебе, привык. Ты первая женщина в мире, от которой я ничего не скрываю в своей жизни. То есть я имею ввиду, конечно, свои собственные секреты. И знаешь, на днях случится то, ради чего я здесь. Обустрой все так, чтобы тебя никто не искал! Ни семья, ни друзья. Не ссорься ни с кем, помни, для дела надо, чтобы все вокруг думали, что ты уехала, уехала надолго. Поняла, родная?

Геля удивилась его ласковому тону, ощутив, как трепещет ее сердце. А ведь в последнее время Лис стал больше говорить с ней, теперь они вместе спали, он завел привычку сажать ее к себе на колени и гладить губами ее висок. Геле казалось, что она приручила Лиса, при этом изменилась и сама. Теперь она – боевая подруга, любовница, единомышленница, соратница борца за идеи. Она сильная, умная, хитрая, ловкая. Как и ее друг, она служит великому делу, которое выше понятий о счастье жирных лицемерных обывателей, самодовольных шлюх и прочей швали. Ее жизнь – чистый и высокий полет над копошащейся массой жалких людейшек, думающих лишь об удовлетворении своих низменных инстинктов. Все исчезло: семья, друзья, законы, мораль, приличия... Она ощущала удивительную, беспредельную свободу.

На свою беду, именно в это время Геля встретила Антона, бывшего парня. Случилось это на улице, когда она бродила по магазинам, скучая в ожидании Лиса.

Антон имел наглость поздороваться. Геля ответила сладкой улыбочкой, решив в тот самый момент, что он будет долго вспоминать свою брошенную подругу. А его плебейка – еще дольше!

В преддверии новой жизни, в которой ей не будет дела до глупого Антона, она сочла важным завершить все дела и отношения жизни старой.

Дома взяла пару бутылок с коктейлем Молотова, приготовленных ее другом накануне, сложила их в пакет, добавила две проверенные зажигалки и опасную бритву Лиса.

Вечером отправилась к дому Антона, так как тот упомянул в их последнем разговоре, что жена переселится к нему и заживут они в любви и счастье под крылом любящей тещи.

Геля шла, веселая, бодрая, обладающая решимостью и силой, впитавшими в себя обиду, горечь, зависть, злобу и боль. Сейчас ее сердце было свободным и радостным, а после исполнения замысла оно будет еще и спокойным.

Частный сектор, где жила будущая жертва Гелиной мести, словно вымер. Народ наслаждался сериалами, отдыхая после длинного трудного дня, ведь для большинства здешних обитателей работа не заканчивалась в восемнадцать ноль-ноль, а удлинялась до наступления темноты поливкой огорода и сбором небогатого урожая.

В окнах частного дома, где проживали молодые, горел свет и вопил какой-то гнусавый представитель российской эстрады.

«Будемдохнуть под тра-ля-ля!» – усмехнулась Геля, не признававшая отечественной попсы.

Ей ничего не стоило перемахнуть через низенький и реденький заборчик. Да уж, хозяин из Антона вышел никудышный! Вблизи его дом представлял еще более жалкое зрелище, чем на расстоянии: покосившаяся мазанка, на которую жильцы жалеют побелки. В окно, которое никто не потрудился завесить, виднелся кухонный стол, застеленный яркой клеенкой. На белых общепитовских тарелках лежали помидоры, колбаса и хлеб. Натюрморт дополняла открытая банка кильки в томате и бутылка дешевой водки.

За столом собралась семья: Антон с красным от алкоголя лицом, уже клюющий носом над своей тарелкой, его мясистая благоверная в грязном халате, половина пуговиц на котором была выдрана с мясом, и Антонова теща, постаревшая версия жены, толстая и пьяная. Родился ли ребенок, и если да, то где он находился в тот момент, Геля так и не узнала.

Трясущимися от бешенства руками она достала из сумки бутылку с коктейлем, подожгла пропитанный огнеопасной смесью фитиль, дождалась, пока он разгорится, и со всей силы запустила бутылку в окно. Она пробила стекло и разбилась на столе. Горючее (Геля понятия не имела, что именно заливал внутрь Лис) выплеснулось на Антона, его жену и тещу, весело заполыхало, заставив всех троих вскочить, заорать и бестолково заметаться по кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.